

УДК 811.161.1'37
DOI 10.52452/19931778_2021_4_217

ЛЕКСЕМА *МЕНТАЛЬНОСТЬ* В МОДЕЛЯХ ГЕНИТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

© 2021 г.

Л.И. Жуковская

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

lara_nn@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2021

Статья продолжает цикл работ, посвященных разным аспектам речевой актуализации лексем *менталитет* и *ментальность* как репрезентантов концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ. В настоящей работе рассматривается синонимичная лексеме *менталитет* лексема *ментальность*. Цель работы — анализ ее семантических преобразований в контекстах стандартной и незуальной генитивной сочетаемости по модели словосочетания «сущ. + сущ. в род. пад.». Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка. Выявлены определенные смысловые сближения и расхождения в текстовой реализации лексемы *ментальность* и лексемы *менталитет* в когнитивных моделях генитивной метафоры. Делается вывод о том, что, как и лексема *менталитет*, лексема *ментальность* характеризуется значительной степенью культурной разработанности в речевой практике носителей современного русского языка.

Ключевые слова: лексема *ментальность*, концепт МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ, семантические преобразования, однокорневая синонимия, лексическая синтагматика, генитивное словосочетание, модели концептуальной метафоры, анализ концептов в лингвокультурологии.

Статья продолжает цикл из нескольких работ, посвященных разным аспектам контекстной реализации лексем *менталитет* и *ментальность* как репрезентантов соответствующего концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ, который был начат предыдущей статьей под названием «Лексема *менталитет* в моделях генитивной сочетаемости». Непосредственным предметом исследования уже в данной работе являются контексты употребления лексемы *ментальность* (синонимичной по отношению к рассмотренной ранее лексеме *менталитет*) в аналогичных генитивных словосочетаниях «сущ. + сущ. в род. пад.» в роли управляемого слова.

В наших предыдущих исследованиях мы уже говорили о том, что на уровне экстралингвистического понятийного содержания, использования слов *ментальность* и *менталитет* в качестве терминов, элементов метаязыка науки ряд ученых обосновывал необходимость их различения, однако данные их употребления в живой русской речи указанные различия не подтвердили [1; 2]. Возможно, дополнительным результатом данного исследования станет ответ на вопрос, насколько правомерно семантически, стилистически и функционально разграничивать лексемы *менталитет* и *ментальность* именно как единицы языка, применительно к их использованию в современной русской речевой практике.

Итак, целью работы является анализ семантических преобразований лексемы *менталь-*

ность как репрезентанта концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в контекстах стандартной и незуальной генитивной сочетаемости для последующего выявления смысловых сближений и расхождений с синонимичной ей лексемой *менталитет*.

Методологической базой исследования выступают идеи и положения теории языковой концептуализации мира [3; 4; 5], лингвокультурологического подхода к исследованию ключевых идей русской языковой картины мира [6–9] и когнитивного анализа семантики абстрактных имен [10]. В работе применяется методика анализа концептов, принятая в Нижегородской научной школе [11–13]. Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка (в дальнейшем – НКРЯ) [14].

В начальной работе данного цикла статей нами уже была обоснована значимость именно моделей генитивной сочетаемости абстрактного имени для выявления «глубинных проекций» абстрактного имени (Л.О. Чернейко) при его конкретно-чувственном представлении в естественном языке [10; 15], на уровне «наивной», по формулировке академика Ю.Д. Апресяна, модели мира [3]. Анализ генитивных сочетаний лексемы *ментальность* представляется крайне репрезентативным и для решения вопроса о степени культурной освоенности данного концепта в национальной концептосфере. Указанные соображения обуславливают научную значимость работы. Практическая значимость ра-

боты заключается в возможности использования ее основных результатов в медийной практике и PR-проектах [1; 2], в составлении словарей концептов нового типа [9; 11; 16], а также в разного рода лингвоэкспертных исследованиях [17; 18].

Как было показано в первой работе предлагаемого цикла статей, весь массив языкового материала логично распределить по двум кластерам: (1) узуальная генитивная сочетаемость отглагольных и отадективных существительных (типа *формирование, особенность* и пр.), таксономических существительных (типа *вид, тип, форма* и пр.) с зависимой лексемой *ментальность* в родительном падеже; (2) неuzuальная (расширенная) генитивная сочетаемость самых разных существительных с зависимой лексемой *ментальность* в родительном падеже, которая приводит к созданию концептуальных индивидуально-авторских генитивных метафор [4; 10; 15; 16]. Сопоставление лексемы *ментальность* с проанализированной ранее лексемой *менталитет*, последовательно проведенное по указанным двум группам контекстов их употребления, призвано выявить возможные смысловые сближения и расхождения при текстовой реализации слов в моделях генитивной сочетаемости.

I. Лексема *ментальность* в моделях стандартной генитивной сочетаемости. Контексты стандартной генитивной сочетаемости для лексемы *ментальность* (как и для лексемы *менталитет*) в основном конкретизируют разные грани ее семантического представления в системе языка, т.е. в целом соответствуют выявленным ранее, в работе [1], когнитивным признакам концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ. Для лексемы *ментальность* в генитивных словосочетаниях релевантны те же три блока контекстов стандартной сочетаемости, что и для лексемы *менталитет*.

Первый блок типовых контекстов сочетаемости с отглагольными существительными отражает общезыковое представление о ментальности как о сущности духовного мира, как о явлении, имеющем бытие и последовательные этапы становления во времени (*наличие, состояние, выражение, проявление, формирование, развитие, изменение, продолжение* и т.д.): *Стереотипная фраза была вполне адекватным выражением ментальности социума* (Игорь Андреев. «Грабли» истории // Знание – сила, 2012); *Приоритет православной церкви в формировании ментальности населения усиливался ее тесной связью с повседневными бытовыми практиками* (Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного

коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015); *Есть просто объективные временные ограничители: это и подготовка соответствующих кадров, и изменение ментальности тех сотрудников, которые раньше работали в советских банковских институтах, и многое другое* (Не вспугните капитал! // Итоги, 11.03.2003).

Второй блок типовых контекстов сочетаемости с отадективными существительными и другими словами, выражающими отвлеченный признак, характеризует атрибутивную сторону понимания ментальности:

(а) его специфические свойства и черты (*особенность, специфика, характер, свойства, признаки* и пр.): *пути России определяются ее историческим прошлым, особенно недавним, архетипами и особенностями ментальности ее населения, иначе говоря, «мы – русские, и этим все сказано»* (Ирина Прусс. Путей у России много, только они неисповедимы // Знание – сила, 2008); *Так кодовый характер уральского ландшафта мотивирует в книге Алексея Иванова внутренние взаимосвязи в истории региона и раскрывает специфику ментальности уральцев* (Ю.В. Щербинина. Преодоление пространства // Волга, 2010); *Характер ментальности обуславливал готовность ингушей в любое время прийти на помощь тому, кто оказался в беде, не требуя вознаграждения* (Некоторые особенности ингушского характера // Жизнь национальностей, 18.06.2003); *Таким образом, Матрицу можно рассматривать в качестве макроконцепта, объединяющего все прочие самобытные свойства уральской ментальности и особенности существования уральского края* (Ю.В. Щербинина. Преодоление пространства // Волга, 2010); *Высокие страховые взносы противоречат задаче диверсификации экономики, 60-часовая рабочая неделя – это признак ментальности столетней давности, а о вступлении в ВТО забудут на следующий день* (Ректор АНХ Владимир Мау о пенсионной реформе, 60-часовой рабочей неделе и итогах года // РБК Daily, 20.12.2010);

(б) отношения сходства и различия (*сходство, близость, различие* и пр.): *Возможность вести бизнес на русском языке, сходство ментальности людей – также преимущества* (Цель компании «Билайн» – стать лидером в России и странах СНГ – Николай Прянишников // РБК Daily, 20.04.2005);

По его словам, «у научного сообщества вызывает вопросы степень ее эффективности и близость российской ментальности» (Елена Рачева. Как слезают с иглы по-христиански?

Почему центры реабилитации наркозависимых штурмует Росгвардия и кто будет спасать наркоманов // Новая газета, 03.03.2017); *Это такая русская версия, с учетом различий ментальности, конечно же, знаменитого фильма «Секс в большом городе»* (Радио «Комсомольская правда». Лада Дэнс: «Как все бабы ду..., так и все мужики сво...» // Комсомольская правда, 19.02.2013).

Третий блок типовых контекстов сочетаемости с лексемами таксономической и партитивной семантики воплощает родо-видовую характеристику менталитета, особенности его структурного устройства (*тип, структура, форма, часть, уровень* и под.): *Долгая история доминирования метатеории «неизменности» сформировала особый тип ментальности человека эпохи «захвата» ...* (Александр Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // Отечественные записки, 2003);

Она отражает допустимые пределы изменений, при которых целостность той или иной системы, в том числе и структуры ментальности, не нарушается (Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015); *Это был сравнительный и критический анализ форм ментальности и их взаимовлияния с общественными процессами* (Теодор Шанин. Его идеал – разумное общество // Знание – сила, 2005); *Грузия, с помощью Пушкина, Лермонтова и Толстого, стала какой-то частью нашей ментальности, нашей духовности и культуры* (Андрей Битов. Пушкин – русский европеец, 1991);

Поэтому составляющий основу культурной динамики извечный «ритуал перехода», который опирается на глубинную, «первотектональную» платформу бессознательного, архетипического, воспроизводится на всех уровнях ментальности и деятельности субъекта культуры и культуры в целом как метасубъекта (Валерий Земсков. Дисбаланс в системе взаимодействия пластов культуры как фактор культурной динамики // Общественные науки и современность, 30.04.2003),

Сопоставительный анализ показал, что лексема *ментальность* в целом входит в те же модели стандартной генитивной сочетаемости, что и лексема *менталитет*. Выявлено также определенное количественное различие по линии реализации блока сочетаемости с лексемами таксономической и партитивной принадлежности: для слова *ментальность* сочетаний больше – возможны, например, *тип ментальности, структура ментальности, форма ментально-*

сти при отсутствии таковых моделей для слова *менталитет*. Также имеется и одно качественное различие: слово *ментальность* может использоваться в контексте пропозициональной установки отрицания: *Наше принципиальное несогласие с самой идеей русской сферы влияния воспринимается Москвой как непризнание за Россией статуса великой державы и пример американских «двойных стандартов», а не как отрицание ментальности Варшавского Договора* (Галина Сапожникова, Израэль Шамир. Свидетельства с сайта WikiLeaks: США знали, что Россия не нападала на Грузию // Комсомольская правда, 16.03.2011). Иными словами, возможно *отрицание ментальности*, но не **отрицание менталитета*.

II. Лексема ментальность в моделях незуальной генитивной метафоры. В контекстах незуальной генитивной сочетаемости лексема *ментальность*, как и лексема *менталитет*, входит в самые разнообразные концептуально-метафорические модели, которые существенно расширяют семантическое представление ментальности в речевой практике. Богатство и разнообразие этих моделей для слова *ментальность* также свидетельствуют о значительной степени культурной освоенности концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в речевой практике современных носителей русского языка.

Обнаружены некоторые различия в моделях индивидуально-авторских концептуально-метафорических представлениях ментальности и менталитета, что, видимо, объясняется спецификой авторского стиля. Так, если для менталитета была зафиксирована модель сочетаемости *тонкости менталитета*, то для ментальности – *нюансы и сложности ментальности*: *В сознании американцев практически нет пространства, позволяющего воспринять мысль о сложностях и нюансах русской ментальности, об интеллигентской неуверенности и рефлексии, о чрезвычайной открытости русского характера, сочетающейся с обидчивостью и ранимостью, тем, что Бердяев называл «вечно бабьим» в русской душе* (Андрей Цыганков профессор международных отношений и политических наук Университет штата Калифорния в Сан-Франциско, эксперт клуба «Валдай». Взгляд из-за Атлантики // lenta.ru, 11.08.2016).

Иногда просто используются разные виды образности. Например, для менталитета было зафиксировано словосочетание *тайна менталитета*, а для ментальности – *ловушка ментальности*: *Это ловушка современной русской ментальности – благодаря кредитам машины стали доступны многим людям, которые та-*

ким образом повышают свой уровень жизни (Арина Холина. Транспорт для красивых // Известия, 06.12.2012).

Думается, что данные различия непринципиальны. Гораздо важнее различия в текстовой реализации лексем *ментальность* и *менталитет* в типовых моделях **структурной метафоры** (Дж. Лакофф, М. Джонсон) – военной, строительной, технологической и др., если таковые будут иметь место. В обследованном материале для слова *ментальность* в целом отражены случаи вхождения в те же базовые модели структурной метафоры, что и для слова *менталитет*, проанализированного в первой статье.

Лексема *ментальность* активно присутствует в широко представленных во многих языках мира когнитивных моделях **«военной» метафоры**, которые отражают разные стороны и этапы конфликтного противостояния, противоборства сторон, столкновения и пр. (слова типа *конфликт, война, борьба, взрыв* и пр.): *В Европе идет война ментальностей, которая ничем хорошим не закончится* (Дарья Асламова, Фото автора и АП. Бывший агент Штази Петер Вольтер: «Русские, не забывайте: Германия либо у ваших ног, либо у вашего горла» // Комсомольская правда, 16.05.2012); *Я снял заляпанные очки и поплелся на работу, до которой оставалось несколько шагов, уныло думая при об этом об издержках провинциальной жизни, о конфликте ментальностей, о бренности всего сущего...* (С.И. Ваксман. Я стол накрыл на шестерых (главы из романа) // Уральская новь, 2002); *Ограниченное количество тех или иных товаров тоже вызывает «взрыв ментальности» очереди* (Мэлор Стурра. Магия «Черной пятницы»: установлен абсолютный рекорд продаж // Московский комсомолец, 27.11.2017).

Также отражена лексема *ментальность* и в когнитивных моделях **«строительной метафоры»**, в которых *ментальность* представлена как некое сооружение. В этих моделях могут быть отражены как разные этапы строительства (*стройка, перестройка, пристройка* и пр.), так и его результаты – здания и их части (*дом, здание, окно, потолок, пол, крыша* и пр.): *Создаваемая исключительно острая, проблемная ситуация, когда решение новых задач осуществляется в условиях своего рода неопределенности, обусловленной высокой динамичностью происходящих процессов, выходом на историческую арену новых субъектов, объективным повышением активности человека, его более глубокой рефлексии, направленной на мир и, что очень важно, на себя, четко фиксируемой в перестройке ментальности,*

смене целей, ценностей, ориентации индивидов ... (Д.И. Фельдштейн. Приоритетные направления развития психологических исследований в области образования и самообразования современного // Вопросы психологии, 23.12.2003); *Когда, например, начинаются разговоры о православии как фундаменте русской ментальности или, тем паче, залог процветания державы, то совершается тот же самый ход, который описан в статье* (Григорий Гутнер. Просвещение как социальный проект // Неприкосновенный запас, 12.09.2002).

Близки к строительной метафоре по типу концептуального представления когнитивные модели **технологической метафоры (метафора механизма)**, в которых *ментальность* предстает в виде некоего функционирующего технического устройства. В этих моделях также могут быть представлены разные этапы работы и / или выхода из строя этого прибора или механизма, его ремонта или замены частей, его возможные поломки и дефекты и под.: *Разумеется, что современные модели, описывающие молекулярные механизмы ментальности (и, в особенности, ее патологий) имеют не детерминистский, а вероятностный характер* (Василий Вельков. По ту сторону эволюции: второе изгнание из рая // Интернет-альманах «Лебедь», 05.05.2003); *Воспитанники школ с массовым сознанием работать умели, но на излом ментальности по подсчёту требовалось двадцать лет* (Александр Силаев. Армия Гутэнтака, 2007); *Оригинальным представляется исследование И.Р. Яковенко, который стержень русской ментальности видит в противоречивом представлении о сущем и должном* (Н.Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ), 2002).

Различие строительной и технологической метафоры нейтрализуется в **метафоре моделирования** (*модель, схема, образец, чертеж, рисунок* и пр.), которая отражает стадию замысла при создании какого-либо сооружения и/или технологического устройства: *Имея в виду внеисторичность официальной культуры, мы можем легко совместить две модели доисторической ментальности – мифологическую и бахтинскую* (Григорий Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы, 2002).

Для слова *ментальность* отмечается вхождение в такие когнитивные модели структурной метафоры, которые не были характерны для контекстов употребления слова *менталитет*.

Это прежде всего **метафора движения, пути**, со всеми их этапами (*движение, сближение, удаление, поворот, тупик* и пр.): *Самый слож-*

ный вопрос – **поворот ментальности** нового гражданина Казахстана (Михаил Гусман, специально для ИТАР-ТАСС, «Известий» и телеканала «Россия». Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев: «Мы перенесли столицу в Астану, чтобы быть ближе к Москве» // Известия, 04.07.2008); **Сближение ментальности России и Европы. Осмыслить фразу президента Путина «Россия возвращается в семью цивилизованных народов»** попытались участники начавшейся в четверг в Москве международной конференции (Андрей Лебедев. По второму варианту. Сближение ментальности России и Европы // Известия, 30.05.2002).

Это **метафора пространства**, его структурной организации и измерений: *Место – это пространство русской ментальности, русской истории и, конечно, литературы* (Сюжеты около // Театральная жизнь, 28.06.2004); *Благодаря пушкинскому гению у русских в глубинах ментальности появился берег моря* (Легенда о любви // РИА Новости, 08.11.2006).

Это **количественная метафора** – мера и степень, число чего-либо, параметры другого типа (много/мало, куча, груда, масса и пр.): *Соборность и общинность – так же остаются в «пакете» русской ментальности?* (Точку ставить рано // Труд-7, 15.04.2004).

Это **метафора нравственной оценки** (достоинства и недостатки): *По мнению автора, диффузность европейской идентичности – не роковой недостаток ментальности континента, но судьба Европы* (Новые книги // Неприкосновенный запас, 14.07.2003).

Это **сельскохозяйственная метафора**: *Почему за десять лет у нас не было даже попыток поработать на идеологической ниве русской ментальности, понять, как реально можно использовать ее особенности в эпоху глобальной модернизации?* (Даниил Дондурей. Кому выгодно безнадёга? // Знание – сила, 1997).

Это **гастрономическая метафора**: *300 шедевров русского духа, соль ментальности, национальное достояние, вот наугад пять названий: икона «Рождество Богородицы» работы Дионисия, «Бурлаки на Волге» Ильи Репина, «Незнакомка» Крамского, «Черный квадрат» Малевича и «Жатва» Венецианова* (Подножка мировой культуре // РИА Новости, 18.11.2005).

Это **биологическая метафора** (части тела живого существа, его функции и особенности устройства): *Правила такого рода составляют скелет ментальности населения, в свою очередь тесно связанной со стилем его повседневной жизни* (Н.Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю // Советская повсе-

дневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю, 2015).

В целом проведенный анализ продемонстрировал, что лексема *ментальность* используется примерно в одних и тех же стандартных или неустойчивых контекстах генитивной сочетаемости, что и лексема *менталитет*. Это не дает нам основания делать вывод о каких-либо значимых концептуальных различиях в семантике этих лексем на уровне их речевой реализации. Определенные различия в типах используемой образности вполне допустимы и могут быть истолкованы исходя из индивидуальных пристрастий говорящего/пишущего.

При этом лексема *ментальность* обнаруживает большее разнообразие типов метафорического переосмысления: она входит в когнитивные модели метафор пути, пространства и количества, сельскохозяйственных, гастрономических метафор, чего не наблюдалось для лексемы *менталитет*. На этом основании мы можем предположить, что лексема *ментальность* обладает несколько большей степенью интересующей нас культурной освоенности, чем в целом синонимичная ей лексема *менталитет*. Возможно, этому обстоятельству способствует более «русифицированная» морфемная структура этого слова (за счет использования русскоязычного суффиксального показателя – *ость*), в сравнении с несвойственным для русского языка оформлением слова *менталитет*.

Список литературы

1. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 198 с.
2. Жуковская Л.И. Языковая экспликация концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 402–405.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 256 с.
5. Радбиль Т.Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1999. С. 34–41.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград–Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3–16.

8. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
9. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов, Е.А. Жданова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
10. Чернейко Л.О. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
11. Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130–135.
12. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-15195.
13. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
14. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
15. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 314 с.
17. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
18. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18–21.

THE LEXEME *MENTAL'NOST'* (*MENTALITY*) IN THE MODELS OF GENITIVE WORD-COMPATIBILITY

L.I. Zhukovskaya

The article goes on research cycle considered different aspects of speech actualization of the lexemes *mentalitet* and *mental'nost'* (*mentality*) as representatives of the concept MENTALITET / MENTAL'NOST' (MENTALITY). The work presents the lexeme *mental'nost'* as synonym of the lexeme *mentalitet*. The object is to analyze semantic transformations of the lexeme *mental'nost'* in contexts of standard and non-usual genitive word-compatibility with the model "Subst. + Subst. in Gen.". The research materials are the data of Russian National Corpus. The work shows certain semantic convergences and divergences in textual realization of the lexemes *mentalitet* and *mental'nost'* in cognitive models of genitive metaphor. The author came at a conclusion that the lexeme *mental'nost'* as well as the lexeme *mentalitet* gets significant cultural elaboration in modern Russian native speakers' communicative practice.

Keywords: the lexeme *mental'nost'* (*mentality*), the concept MENTALITET / MENTAL'NOST' (MENTALITY), semantic transformations, cognate synonymy, lexical syntagmatics, genitive word-combination, conceptual metaphor models, analysis of concepts in linguo-culturology.

References

1. Zhukovskaya L.I. Semantic content of the concept «mentality / mentality» and its linguistic embodiment in modern Russian: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research University, 2015. 198 p.
2. Zhukovskaya L.I. Linguistic explication of the concept «mentality / mentality» in the Russian language of recent years (according to the data of the National Corpus of the Russian language) // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2015. № 2 (2). P. 402–405.
3. Apresyan Yu.D. Selected works: In 2 volumes. Vol. II: Integral description of language and system lexicography. M.: Languages of Russian culture, 1995. 767 p.
4. Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live by / Translated from English M.: Editorial, 2004. 256 p.
5. Radbil T.B. Precedent texts in the linguistic picture of the world // Linguistic picture of the world in synchrony and diachrony: A collection of scientific papers. Nizhny Novgorod: NNSPU, 1999. P. 34–41.
6. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition / Trans. from English; ed. and comp. M.A. Krongauz. M.: Russian dictionaries, 1997. 416 p.
7. Karasik V.I. Cultural dominants in language // Linguistic personality: cultural concepts: Collection of scientific papers. Volgograd-Arkhangelsk: VSU, 1996. P. 3–16.
8. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian language picture of the world: Collection of Art. M.: Languages of Slavic culture, 2005. 544 p.
9. Russian language of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text: Number of mon. / T.B. Radbil, E.V. Marinova, L.V. Ratsiburskaya, N.A. Samylicheva, A.V. Shumilova, E.V. Shchenikova, S.N. Vinogradov, E.A. Zhdanova. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2014. 325 p.
10. Cherneyko L.O. Logical and philosophical analysis of an abstract name. M.: Publishing House of Moscow State University, 1997. 320 p.
11. Ruchina L.I., Gorshkova T.M. Combined dictionary as a way of lexicographic description of the conceptual sphere of the Russian folk tale // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2011. № 6-2. P. 130–135.
12. Radbil T.B., Saigin V.V. Features of the paradigmatic and syntagmatic realization of the conceptual field «sin» in the modern Russian language [Electronic

- resource] // Modern problems of science and education. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-15195.
13. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V. Word-formative innovations based on borrowed elements in modern Russian: linguoculturological aspect // The world of the Russian word. 2017. № 2. P. 33–39.
14. National Corpus of the Russian Language (NKRYA) [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
15. Radbil T.B. Cognitive science: A teaching tool. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2018. 375 p.
16. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. M.: ACT: East-West, 2010. 314 p.
17. Radbil T.B. Identification of substantive and speech signs of unfair information in the expert activity of a linguist // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. № 6. P. 146–149.
18. Radbil T.B., Yumatov V.A. Methods of revealing implicit information in linguistic expertise // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2014. № 3 (2). P. 18–21.